

Анжелика Каткова

Небеса подождут

Анжелика Каткова

Небеса подождут

«Издательские решения»

Каткова А.

Небеса подождут / А. Каткова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903694-0

После случившейся трагедии мне казалось, что я больше никогда не улыбнусь. И чем дальше — тем было хуже. Но однажды, в один день, я решила взглянуть на этот мир под другим ракурсом. И мне открылась истина.

ISBN 978-5-44-903694-0

© Каткова А.
© Издательские решения

Содержание

Небеса подождут	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Небеса подождут

Анжелика Каткова

Редактор Наталья Юрина

Корректор Анна Магдалина

Дизайнер обложки Анжелика Каткова

© Анжелика Каткова, 2018

© Анжелика Каткова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3694-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небеса подождут

Солнечный и ласковый июньский день не предвещал ничего плохого. По аллеям кружила белоснежная метель из тополиного пуха, а по чистому голубому небосклону время от времени проплывали пушистые облака. Лёгкий ветерок бережно перебирал мои длинные светлые волосы, а нежное пение птиц ласкало слух. В душе царило умиротворённое состояние. Порой во время обычной прогулки можно заметить много прекрасного вокруг, стоит только быть внимательнее.

Я шла по узкой дорожке, слева от которой стремительно мчались городские машины. Невозможно было сосредоточиться на чём-то одном в сию минуту, так как я была полностью погружена в свои мысли и витала в облаках. Впрочем, как и обычно.

Я считала себя обыкновенной семнадцатилетней девочкой среднего телосложения.

Куда я шла, спросите вы? Никуда. Мне нравилось выйти погулять просто так. Я медленно прогуливалась и засматривалась то на небо, то под ноги, то на проходящих мимо людей...

Смотря вдоль дороги, я заметила двух нетрезвых парней, идущих мне навстречу. Это заставило меня отвлечься от размышлений и насторожиться.

«Фух, пронесло», – подумала я, когда эти подозрительные типы прошли мимо меня. Кто знал, что у них могло быть на уме?

Стоило мне расслабиться и с облегчением выдохнуть, как я почувствовала сильнейший удар по голове, нанесённый сзади. В глазах потемнело, я рухнула на асфальт. Однако я была в сознании и хоть немного, но соображать и осознавать происходящее могла.

Я была в полном смятении и растерянности. Сердце колотилось настолько сильно, что казалось, будто оно в любую секунду выпрыгнет из груди.

Тогда у меня не укладывалось в голове, что эти люди могут сделать что-то плохое. Я не хотела верить в эту суровую правду. Оптимист и реалист боролись во мне, но сильнее всего терзало чувство страха, ведь я была абсолютно беззащитной.

– Помогите! – крикнула я в надежде, что вот-вот кто-нибудь из прохожих придёт на помощь.

Я кричала, вырывалась, но попытки спастись были тщетны. Спустя считанные секунды я оказалась в машине. Один был за рулём, а другой подсел ко мне как можно ближе.

Я смотрела в окно и наблюдала, как быстро проносились деревья, машины, люди. С каждой секундой мы всё больше отдалялись от той самой аллеи в неизвестном направлении. Постепенно душу наполняло чувство безысходности. Вряд ли со мной сейчас будут играть в шахматы или мило беседовать, ведь такие ситуации всегда заканчиваются трагично.

«Увижу ли я своих близких вновь? Или я умру мучительной смертью, так и не успев с ними попрощаться?» – задавалась я вопросами, периодически вытирая слёзы.

Мы остановились на другом конце города, и я погрузилась в состояние абсолютной беспомощности. Всё тело, как назло, буквально парализовал панический ужас.

Меня затащили в тускло освещённый гараж, где повсюду валялись битые бутылки из-под алкоголя, и толкнули к стене. Один из подонков схватил ледяными руками за шею и начал душить.

Мне угрожали, психически давили на меня. Нахально требовали, чтобы я им подчинялась. В те минуты мне казалось, что я испытываю настоящие муки ада.

Это были жестокие люди, и они совершали надо мной ужасные вещи. Вырывали волосы клочьями, беспощадно избивали, насиловали, говорили унижительные слова и всячески угрожали. Мне внушали, что найдут меня и всех моих близких, если я вздумаю подать заявление в полицию. Ни одной девушке не пожелала бы всего того кошмара, что пережила в тот день я...

– Вали отсюда, грязная шлюха! – злобно крикнул один из них, замахнувшись на меня кулаком.

В ту отчаянную минуту я не смотрела, куда бежала. Точно знаю то, что убегала от той отвратительной реальности, которую отказывалась принимать. Руки тряслись, а взгляд был несчастным и полным ненависти. Окружающий мир расплывался в глазах: из-за перенесённого стресса и головокружения я не могла видеть отчётливо.

«Теперь твои близкие будут стыдиться тебя!» – настойчиво твердили мужские голоса, что не выходило из моей головы.

После того дня во мне как будто что-то надломилось. Стало терзать чувство подавленности, так как я не знала, как жить дальше с этой мучительной душевной болью. Появились даже симптомы шизофрении: я перестала отличать иллюзию от реальности.

Сил искать дорогу домой уже не было, поэтому я села на ближайшую скамейку и отключилась.

Что это было? Обморок? Или я заснула? Непонятно.

А может, я вообще умерла? Мне было без разницы. Я, скорее, даже была бы счастлива при таком исходе событий, так как не хотела жить.

Очнувшись, я почувствовала невыносимую боль внизу живота. Голова раскалывалась. Меня тошнило. Я ощущала сильнейшую подавленность и неприятный ком в горле, который буквально мешал мне дышать. Но я не плакала. Не могла.

Хорошо, что я смогла сориентироваться и поняла, как попаду домой. Люди шарахались от меня, как от прокажённой.

«Увидит меня мама в таком виде, и что она скажет? Скорее всего, устроит допрос и придёт в ужас. Я не смогу так сразу взять и объяснить, что со мной произошло», – мысленно рассуждала я, смотря вдоль дороги остекленевшим взглядом.

Я снова шла по той узкой дорожке и засматривалась на всё вокруг. Цвета померкли, а краски и звуки утратили свою яркость. Я потеряла способность любить природу и музыку, во всём видела тлен и безысходность. Пение птиц казалось для меня отвратительным, а голубое небо – пустым местом. А ведь раньше я так восхищалась его красотой...

«Что я скажу ей? Как мне себя при ней вести, чтобы она не увидела моего разбитого лица? Я заставлю её волноваться... только не это», – я пыталась себя вопросами, на которые не знала ответа.

Дрожащими руками я открыла входную дверь. Хорошо, что я смогла незаметно пройти в свою комнату, не привлекая лишнего внимания. Мама даже не спросила, почему я так поздно. Должно быть, она думала, что я опять наслаждалась видом белой ночи, как это обычно бывает в летние каникулы, ну или, в крайнем случае, с кем-то гуляла допоздна.

Ах, если бы... Если бы меня вновь смогли вдохновить такие вещи, как безмятежные белые ночи, живописные закаты солнца, звёздное небо или что-нибудь подобное...

У меня больше не было желания вставать ранним солнечным утром и идти встречать рассвет. Раньше я любила выйти на улицу часиков в шесть утра, когда на улице ни души, когда на дорогах лишь изредка мелькают машины...

А знаете, как я любила птиц? Для меня это были прекрасные существа. Я с ними будто находила некую гармонию. Раньше я любила кормить их, гуляя у недавно построенного православного храма. В основном это были голуби, воробушки. Были случаи, когда подлетали даже синицы. Мои пернатые друзья садились мне на руки, плечи. Я любила всё живое.

Но после той трагедии, происшедшей со мной, я уже не была похожа на ту светлую, наивную и жизнерадостную девушку с тонкой душевной организацией. Этот день изменил меня. Всю жизнь я смотрела на мир сквозь розовые очки, но теперь наступил момент, когда они треснули и разбились на мельчайшие осколки. Что же оказалось в итоге за этим стеклом? Разочарование. Я поняла, что на самом деле мир не такой радужный, каким я его себе представляла. Он полон жестоких и злых людей, полон страданий, горя и несправедливости.

Порой я сама не узнавала себя. Когда-то я могла получить удовольствие даже от утренней прогулки, и это вполне могло послужить для меня методом релаксации. Но теперь наступил момент, когда для успокоения мне нужна была целая бригада психиатров.

«Хотя какая бригада психиатров? Не всё так просто, как кажется. Как я расскажу хоть одному человеку, будь он и близким, что со мной произошло? Ведь мне очень стыдно! Я стыжусь сама себя! А тут взять и информировать ещё одного человека, в глазах которого ты будешь потерпевшей и осквернённой... грязной, мерзкой?! Я себе этого не прощу и буду испытывать ещё больший стыд до крышки гроба. Буду ненавидеть себя ещё сильнее всю свою жизнь. Ненавидеть за то, что рассказала, этим самым опозорилась», – рассуждала я, кусая потрескавшиеся губы.

На самом деле я была бы рада обратиться к психологу или психиатру. Единственное, что меня останавливало – это чувство стыда.

Очень тяжело, когда мучаешься из-за личных вещей, о которых даже нельзя никому рассказать. Просто держишь всё в себе и поедаеть себя изнутри.

К лицу было невыносимо прикасаться, ибо оно было в ужасном состоянии. Синяки опухли и сильно болели. Думаете, я, придя домой, сразу кинулась к зеркалу? Нет, я не хотела видеть в зеркале девушку, которую изнасиловали. Не желала видеть неудачницу с изуродованной внешностью. Меня преследовало отвратительное ощущение: словно меня с головой засунули в помойку, опустили ниже городской канализации, вытерли ноги и выбросили, как ненужный мусор.

Я казалась себе мерзким существом, недостойным права жить. Для себя я стала изгоем.

Представьте красивый, белоснежный, без единого пятнышка или складки платочек. Платочек, до которого ещё никто не дотронулся и не воспользовался им. Но потом случилось так, что он попал в небрежные руки. Его порвали, скомкали и бросили в грязную лужу, как ненужный мусор. Теперь это уже был не белоснежный платочек, а тряпка. Грязная, рваная, скомканная и выброшенная в лужу тряпка.

Я чувствовала себя тряпкой. Да, именно тряпкой, что валяется на грязном асфальте и постепенно покрывается плесенью.

– Хочу убежать от реальности... – настойчиво повторяла я, погружаясь в сон, – Убежать... пожалуйста...

Я стремительно уносилась вдаль. Тёмный туннель, что завораживал своей таинственностью, казалось, не имел конца. Я очутилась в неизвестном помещении.

– Не может быть... – опешила я, взглянув на себя в зеркало, что внезапно появилось передо мной.

Лицо было изуродовано. Тонкие губы имели синеватый оттенок, под опухшими глазами появились тёмные круги. В остекленевшем взгляде не было жизни: я была будто опустошена. Но сильнее всего меня поразила надпись «taped» на лбу. Изнасилована.

Потекли слёзы ужаса.

На удивление, я смогла стереть надпись: она легко исчезла с моего лица. Но я по-прежнему не могла смотреть на себя. Мне не нравился собственный вздёрнутый нос, скуластые щеки бледного оттенка, что делали лицо более измождённым.

«Нет. Я не хочу быть хозяйкой своего тела...».

Спустя несколько секунд произошло нечто, что вызвало у меня противоречивые чувства.

«Неужели кто-то читает мои мысли сейчас?» – опешила я, глядя исподлобья в зеркало.

На меня смотрела совершенно другая девушка. У неё были сочные алые губы, уверенный взгляд, огненно-рыжие волосы и изумительная фигура.

Сердце заколотилось в бешеном темпе, безразличный взгляд в один миг неожиданно сменился на удивлённый. Коленки задрожали. Одновременно во мне разыграло восхищение: до тех пор мне не удавалось встречать настолько красивых людей.

Ощупав своё лицо, я осознала, что я и есть та самая девушка. Моя внешность чудесным образом преобразилась, стоило мне лишь выразить недовольство.

В ту минуту я ощутила резкий прилив храбрости. Я даже почувствовала, как сильно повысилась моя самооценка. Мне хотелось гулять по многолюдной улице, щеголяя своей внешностью. Хотелось стать фотомоделью и сниматься для обложек модных журналов. Хотелось нарисовать свой портрет, подать заявку в модельное агентство, бесконечно фотографировать себя и размещать фото в социальных сетях...

Я осознавала, что нахожусь в другой реальности – и мне нравилось это. Ведь я наконец-то смогла почувствовать себя прекрасной.

Путешествуя по тёмному туннелю, я увидела свет вдали.

«Неужели здесь есть кто-то, кроме меня?» – проявив любопытство, я направилась навстречу свету.

Это оказалась комната. Она искрилась ярким солнечным светом, а у входа цвели нежные пионы. Я зашла туда с детским восхищением.

– Недурно. Хорошее перевоплощение. Но как смеешь ты принимать меня за глупца? Только безумец поведётся на твоё внешнее изменение, – проворчал незнакомец, внезапно оказавшийся в комнате, – Я вижу тебя насквозь. В душе ты все та же сломленная София, что напилась из-за отчаяния.

– Что... Да ты просто чокнутый! – возмутилась я.

– Я доведу тебя, милая София. Доведу до того, что нынешняя иллюзия станет тебе ещё противнее, чем реальность, от которой ты убежала, – прошептал он, сжав мои руки до боли.

– Ты больше никогда не вернёшься в реальность! Ты останешься со мной...

– Не смей притрагиваться ко мне! – вскрикнула я, очнувшись.

Это оказался дурной сон.

– Соня! Что с твоим лицом?! – мама была напугана не на шутку, судя по её интонации и выражению лица. – Что с тобой?! Почему ты молчишь, ответь! – вопросы непрестанно сыпались один за другим. Думаю, если бы я была в состоянии отвечать и вести диалог, то всё равно не успела бы ответить на всё и сразу. Для меня казалось неприемлемым то, что она узнает о моём позоре. О том кошмаре, который я сама отказывалась принимать за реальность.

Чтобы прекратить расспросы, я пошла на крайние меры: с разбегу врезалась в ближайшую стену, сильно ударившись головой.

В тот момент я считала свои действия абсолютно нормальными, так как я ненавидела себя и своё тело. В итоге я потеряла сознание.

Моё поведение было в точности как у психически больного человека. Я не видела, какое было лицо в этот момент у мамы, но уверена, что она была, мягко говоря, шокирована.

«Я не хочу этого!» – кричал мой внутренний голос. Я была готова рвать на себе волосы и истошно вопить, когда до меня дошло, где я нахожусь. Но у меня не было на это сил.

Светло-серые стены, что окружали меня с четырёх сторон, только сильнее наводили чувство гнетущей тоски и отчаяния. Я словно ощущала эту больничную и напряжённую атмосферу. В этом месте многие люди свели счёты с жизнью, а сколько здесь было пролито слёз – страшно представить! Как правило, пациенты прибывали в это отделение в тяжёлом состоянии, и постоянная суетливость врачей тоже нервировала. Жуткое место.

Чтобы взять все необходимые анализы и вести надо мной наблюдение, было принято решение о моей госпитализации.

Моим лечащим врачом была добрая и сострадательная женщина. Она любила называть меня солнышком. Я ей ничего не отвечала. Но в глубине души мне хотелось её крепко обнять и сделать низкий поклон. Понимание, доброта, сочувствие – вот в чём я остро нуждалась на тот момент. Несмотря на то, что по специальности она была хирургом, про оказание психологической помощи она всё же не забывала. Огромное ей за это спасибо. Однако я была настолько ранена психологически, что её ласковое обращение практически не помогало. В основном ничего не менялось. Да и я будто чувствовала, что с каждым днем её отношение ко мне меняется не в лучшую сторону.

«Завтра, наверное, она будет считать меня противной девкой и смотреть на меня с брезгливостью. Это у неё со всеми пациентами так? Сначала ласково, а потом с неприязнью... странная женщина», – пришла я к выводу.

«Нет, это скорее я странная. В последнее время я всё себе накручиваю: глупые проблемы, лишние подозрения, беспокойство», – сотни мыслей пролетали в моей голове.

Мне хотелось быть лишь в своём мире – том, что внутри меня, но он был уже не такой радужный, как прежде. Там было тоскливо и больно. Невыносимо. Если сравнивать эти два мира, то, наверное, тот мир, что снаружи, будет лучше, чем тот, что у меня внутри, ибо хуже, чем у меня внутри, и быть не могло.

– Вы можете прийти и навестить дочку завтра! – сказал доктор моей маме. Мне дали время на сон.

Я узнала о том, что на следующий день придёт следователь по делам несовершеннолетних. Они поняли, что я являюсь жертвой изнасилования – и это стало последней каплей для меня.

Я находилась одна в помещении и отчаянно пыталась открыть окно, чтобы сбежать до прихода врачей, но, к моему большому сожалению, ни одно из окон не открывалось.

Меня переполняли ярость и отчаяние. Большой ком в горле мешал мне дышать. Почему-то я как раз ждала того момента, когда он всё-таки перекроет доступ к кислороду. Ибо мне не хотелось жить...

Смогу ли я вам передать словами весь тот ужас, который творился в тот момент у меня внутри? Вряд ли. Это было похоже на сильнейший нервный срыв. Я чувствовала себя самым несчастным человеком на свете, и мне казалось, что мне нечего терять, даже если я покину этот мир.

Спустя некоторое время мой взгляд упал на забытые врачами медицинские инструменты, разложенные на столе рядом с выходом. Я подошла поближе к ним, присмотрелась, какие из них самые острые.

Ножницы были единственным, чем можно было порезаться.

Я переводила взгляд то на руку, то на ножницы... руку, ножницы...

Алые капли крови потекли из моей бледной руки. Я старалась задеть вену, но у меня ничего не вышло. Меня трясло.

Внезапно раздался резкий звук грома на улице. Разразилась гроза, молнии вспыхивали почти непрерывно одна за другой. Я стала думать обо всех тех, кто сейчас оказался под этой грозой...

Мама. А если в грозу попала мама? Она говорила мне, что мой отец умер от рака лёгких, когда я была младенцем. Большую часть своей жизни я росла без него. Я не знаю, каким он был при жизни, но думаю, что хорошим человеком.

И всё же. Что было дороже всего для той девушки, которая была жизнерадостной и наивной? Которая находила гармонию с природой, у которой были золотые руки и светлая душа... Что бы изменилось, если бы той девушки не стало?

«А как же мама? Я единственная, кто у неё есть! Как я могла резать себя и при этом не подумать о близких? Как тяжело будет тем, кто меня любил... Каково будет им узнать, что меня не стало? Разве не ради этих людей стоит жить?» – многочисленные вопросы непрерывно мелькали в моей голове. Если честно, я сама совершенно не понимала, как я могла пытаться свести счёты с жизнью, забыв про самое главное.

Видимо, я не ценила маму настолько, насколько должна была. Она – самое дорогое, что есть у меня. Человек, который любит меня и всегда старается поддержать. Я чувствовала себя великой грешницей, потому что не обращала на это раньше внимания.

Отныне я себя ненавидела ещё больше: за невнимательность и эгоизм. Но ненависть к себе вовсе не повод заканчивать жизнь самоубийством. Не повторяйте моих ошибок, друзья. Если вы серьёзно решили свести счёты с жизнью – подумайте о тех, кто любит вас.

Чудесным образом я вновь очутилась в неизведанном мире, и, скажу по секрету, в этом мире было необычайно радостно и прекрасно: он разительно отличался от реальности. Там были искренние люди, на лицах которых никогда не увидишь унылую тень. Там все до единого милосердно и лишены комплексов. Они были до удивления дружелюбны, а в их лучистых глазах никогда не было лицемерия.

– Пожалуй, я расскажу о себе, – с особым дружелюбием в голосе предложила моя новая подруга Стеф. – Я обожаю желтый, потому что это цвет лютиков – моих любимых

цветов! Когда меня просят рассказать о себе, я начинаю именно с моего любимого цвета, потому что считаю, что так намного интереснее. А ещё... в нашем мире не принято лицемерно улыбаться или усердно скрывать какие-либо вещи от посторонних, именно поэтому я скажу истину: тревожусь... – призналась Стефани, виновато опустив голову.

– Из-за чего? – поинтересовалась я, ласково прикоснувшись к ее волосам. Они были изумительного лунного оттенка.

– Боюсь, тебе будет неинтересно со мной. Ты на десятки лет старше меня.

– Но... ведь и я, и ты – подростки... – опешила я.

– Что?! Судить по физическому возрасту – это же пережиток прошлого! – звонко рассмеялась Стеф, – В нашем мире существует лишь возраст души. На самом деле мне всего лишь восемь, хоть и выгляжу на все восемнадцать. Я не представляю свою жизнь без сладкого, обожаю воздушные шарики и целыми днями катаюсь на велосипеде. А ещё у меня, как и у любого жителя нашего мира, есть важное качество – я вижу людей насквозь, и, следовательно, всегда могу узнать возраст. Слышала, что в вашем мире оценивают именно по внешнему виду. Слышала, что ваши девочки любят наносить косметику или надевать лифчик на размер больше, чтобы казаться взрослее. Слышала, что в некоторых случаях у них это даже выходит. Но в нашем мире такое, к сожалению, не прокатит. В нашем случае душу невозможно замаскировать косметикой или прибавить себе лишние года – в глазах других ты будешь всегда именно тем, кем ты являешься, – с энтузиазмом рассказывала собеседница.

– Ого... – я слушала затаив дыхание.

– София, тебе не семнадцать. Знаю, что ты впала в отчаяние и пыталась перерезать вены медицинскими ножницами. Но, несмотря на это, ты стала мудрее. Ты знаешь цену человеческой жизни, ты побывала на волоске от смерти, претерпела сильнейшее унижение и все же нашла в себе силы, чтобы жить. Это бесценный опыт. И мудрости у тебя гораздо больше, чем у некоторых двадцатилетних людей. Я бы дала тебе тридцать девять, – пришла к выводу Стефани.

Я смотрела на нее и понимала, что она чудесная. Лебединая шея, глаза изумрудного оттенка. И необычные, но в то же время глубокие рассуждения.

– Подумать только... Тридцать девять лет!!! У нас с тобой разница в тридцать один год! София, почему ты смеёшься? Неужели для тебя это не является потрясением? Ты что, не умеешь удивляться? – возмущалась взволнованная собеседница, с непониманием смотря на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.